

Посмотрите, какъ кружатся эти голуби, точно искры... Или какъ это у Гоголя...—А какъ мрачна и загадочна эта бездна,—продолжалъ онъ, указывая въ небо,—не кажется ли вамъ, что это хмурится оттуда и грозитъ... О, какъ понятна сейчасъ эта идея гнѣвнаго и карающаго бога!>..

Дамы благоговѣйно внимали его рѣчамъ, в Пѣтушкова не смѣла отнять своей руки, которую графъ пожималъ слишкомъ уже дружественно, а предводительша не хотѣла отнимать и даже слегка отвѣчала на его пожатіе. Ей очень нравился Облѣпщевъ.

Официальные люди убивались на пожарѣ. И по справедливости надо сказать, что хлопотали ужасно. Корнѣй Корнѣичъ самолично распорядился по крайней мѣрѣ съ дюжиной мужицкихъ физіономій; кромѣ того, онъ посулилъ старостѣ долговременныя узы. Клепушкинъ въ свою очередь поработалъ. Но всѣхъ усерднѣе дѣйствовали Цуцкіе. Они метались по народу, точно угорѣлые, и раздавали столько пинковъ и оплеушинъ, что ихъ не было никакой возможности перечислить. Впрочемъ, одинъ изъ Цуцкихъ (тотъ, что поглупѣе) даже залѣзъ на крышу и для чего-то сталъ расковыривать солому, но провалился въ дыру и былъ извлеченъ за ноги. И конечно, огонь не могъ устоять противъ такого самоотверженія. Онъ достигъ до площади, на которой стояла церковь, и, моментально сожравъ крайній дворикъ, принадлежавшій убогой просвириѣ, упалъ. Тогда начальство вздохнуло свободно.

— Кончено,—произнесъ Лукавинъ и предложилъ Варѣ сѣсть. Она обвела пожарище длиннымъ и тяжелымъ взглядомъ и опустилась на подушку. Обугленные остоны жарко тѣли. Полуразрушенныя печи черными и мрачными столбами возвышались среди нихъ. Погорѣльцы слонялись по пожару какъ тѣни и ковыряли груды скипѣшагося пепла. Бабы причитали. Среди улицы ваялся разнохарактерный скарбъ. Въ немъ пугливо копошились дѣти. Иногда плачь оттуда вырывался, тоскливый и жалостный. Порою можно было слышать глухой стонъ. Церковь алѣла, точно залитая кровью. Гдѣ-то завывала собака...

Экипажи медленно пробирались по улицѣ; колокольчики осторожно перезванивали. Но господа притихли и пребывали въ почтительномъ безмолвіи. Надъ ними точно туча повисла. Ихъ угнетало мужицкое горе—не такъ замѣтное за трескомъ пламени, суетнею и звуками набата.

Варя сидѣла какъ-то странно выпрямившись и бессмысленно озирала пространство. Однажды она скользнула взглядомъ по